ПЕТР СЕРГѢЕВ.

ПИСЬМО СТАРАГО РАБОЧАГО

Изданіе Русской Рабочей Группы в Нью-Іоркѣ

Нью-Іорк. — 1912.

2 шк
ФОНД РЕДКИХ ИЗДАНИЙ
„Пров
Пров. „Про

28 лѣт проработал я на заводах. Вот уже год, как я — без работы. За всѣ 29 лѣт только 2½ мѣсяца пришлось мнѣ дѣлать настоящее дѣло и, как видно, не смогу его больше дѣлать. Крѣпко занедужилось мнѣ; уходят остатнія силы. Думается близка моя смерть.

Всю жизнь я работал на хозяев, как и всѣ мы работаем. Хотѣлось бы на своих близких поработать, на тѣх, кто, как и я, всю жизнь на фабриках и заводах провести должны,... да видно не приведет Господь.

Спасибо родителю: хорошо обучил меня грамотѣ и слесарному дѣлу. Слесарное дѣло сослужило мнѣ службу: работал и жил. А теперь пусть грамота свою службу сослужит: хочется мнѣ написать, как нашел я настоящее родное дѣло. Помру я скоро... не придется послужить этому дѣлу, так пусть хоть мое письмо останется. Крѣпко вѣрю, что если какой рабочій прочтет его, то над многим задумается и, — кто знает, — лучше меня это дѣло поведет.

Правда, грамотность то наша — все таки не настоящая. По ученому говорить я не с'умѣю, но вѣдь не для господ пишу это письмо, а для своих... Рабочіе простят, коли что не гладко выйдет — не так как в книжках пишут. За то напишу я одну только правду, а в книжках всего много — и хорошаго и дурного. Не мало перечитал их за послѣднія шесть лѣт.

По годам то я не больно стар, а все же на стариковском положеніи: недавно мнѣ 46 лѣт минуло. А нашему управляющему, сказывают, 53 года и он себя за молодого почитает. Пожалуй — это вѣрно: я стар, а он молод.

29 лѣт тому назад мой отец сам пошел на завод и меня опредѣлили. Привелось мнѣ работать на нѣскольких заводах, но послѣднія 16 лѣт (не шутка, вѣдь!) я все время работал на одном и том же заводѣ. Года три назад я начал прихварывать; побаливает грудь,, ну, конечно, и силы не тѣ, что прежде. Ровно год тому назад меня раз-

считали с 37-ю другими рабочими „за неимѣніем заказов", как нам сказали. Мы плохо вѣрили этим словам, потому что мастера все таки оставляли рабочих на сверх'урочные часы. В число разсчитанных попали кое-кто из тѣх, что рабочее дѣло отстаивали, потом рабочіе поплоше да нас шесть пожилых, но все же умѣлых работников.

Я об'яснил в конторѣ, что работаю на заводѣ 16 лѣт подряд и меня пообѣщали обратно принять на завод в первую же голову, но... обманули. Не прошло и мѣсяца, как товарищи дали знать с завода, что будет наемка. Пришел я в контору, а там много уж безработных стоит, но я думаю: „меня то возьмут". Ан нѣт! не взяли.

Один мастер Федор Карлович сказал мнѣ: „тебѣ старику и отдохнуть не грѣх: пора и на покой; надо дать мѣсто молодым". Другой мастер Иван Сергѣевич, этот прямо отрѣзал: „у нас —не богадѣльня. Какой ты работник. Тебѣ и ходить сюда не к чему". Зря это он сказал, потому что я всегда да и самое послѣднее время был на хорошем счету, и если и ослаб малость, то все же не хуже многих молодых работал и не меньше их вырабатывал. Но вот бѣда: сѣдина стала пробиваться и вышвырнули меня с завода, как и до меня многих вышвыривали.

Прошел по заводу управляющій. Остановился около меня на минуту, не то, чтобы посмотрѣть, как я работаю... нѣт! он на мою голову смотрѣл: надо быть сѣдые волосы считал. Потом отвернулся к мастеру и что-то сказал. Мнѣ не в домек было, про что он говорит, а потом узнал, что он меня разсчитать велѣл: „зачѣм, мол, стариков дер жите; молодые скорѣе работают".

Докладывал я мастерам, что мнѣ ѣсть надо, что я 16 лѣт на заводѣ выжил, что чуть-ли не всѣ рабочіе и они, мастера, при мнѣ на завод поступили, что я ни в чем не был замѣчен и всегда хорошим рабочим считался. „То всегда, а то теперь, говорят. Хоть бы сто лѣт работал, так завод то все одно твоим не станет. Захотѣли и прогнали. Оно точно: работать ты еще можешь; у нас похуже рабочіе есть... да управляющій приказал не принимать, кому 40 лѣт минуло. Вот тебѣ и весь сказ".

Сколько разов я на другіе заводы хотѣл попасть — вездѣ один отвѣт: „нам старых не надо".

Слава Богу — я один. Жена померла пять лѣт тому назад; малых дѣтей нѣт. Было у меня двое сыновей; оба уже взрослые, так

одного, — Михайла, — машина убила, а другого — Сергѣя,—в Сибирь, в ледяныя мѣста угнали. Часто он о хозяйской неправдѣ говорил, о том, что рабочим без хозяев надо устроиться, ну и против начальства тоже. Пишет мнѣ. Узнал, что я без мѣста, так сначала два рубля послал, а потом еще три. Да там у них никакой работы нѣт. На пособіе живет. Писал, что эти деньги дали ему для меня товарищи, которым из дому посылают.

Наш управляющій — инженер — поступил на завод всего три года назад. Он уже и тогда был старше, чѣм я теперь. От хорошей жизни он не постарѣл: гоголем ходит, толстый такой; оно, конечно, и работа у него не такая, чтобы молодыя силы были нужны. Не нами рабочими он нанят, а хозяином; не о нас рабочих думает, а о том, как бы хозяину больше барыша было. Важно он себя держит: точно не такой же человѣк, как и мы грѣшные. Гдѣ ему разбирать, кто работать может, хотя и не трудно это сдѣлать, так как всѣ мы сдѣльно работаем. С маху распорядился: „всѣх, кто до 40 лѣт дожил, гони помирать на улицу". Да и всѣ они на одну стать.

Плохо жилось мнѣ этот год. Раньше были небольшія деньги, да ушли, когда жена грудью хворала, кровью кашляла, а что осталось передавал Сергѣю, как его взяли, а потом в Сибирь угнали. Прожился я совсѣм; — ничего не осталось: все распродал за этот год, а кое-что и в залогѣ пропало. Живу так: два дня ѣм, а третій воду пью, одним фунтом хлѣба заѣдаю. Нанимаю угол; спасибо старый знакомый сдает и деньгами не надоѣдает. Попадаю иной раз на поденщину или что починить позовут по слесарной части: заработаю и отдам за угол.

А только жить, как я живу, куда как плохо. Можно сказать — совсѣм нельзя. Правда, послѣдніе два мѣсяца мало я об этом думаю да и товарищи сильно поддерживали. За то раньше — еслиб не грѣх — с моста да в воду... Куда лучше, чѣм зря по заводским конторам шляться да у заводских ворот простаивать.

Вот теперь и думаю: сколько раз на моих глазах тѣх, кто постарше, разсчитывали. Как то не думалось, не в домек было, что и меня прогонят. Так и всѣ мы рабочіе, вперед не заглядываем, а старость не за горами, а, окромя старости, и увѣчье у каждаго из нас за плечами.

Встрѣтился с моим соѣдом по работѣ, по станкам. Его еще раньше меня разсчитали: худой, оборванный. „Ты еще счастлив, го-

ворит, до 45 лѣт на работѣ дотянул, а меня в 39 лѣт в старики записали. Все же ты против меня лишних шесть лѣт проработал". Не утѣшил он меня этим.

Частенько ко мнѣ в угол заходил Прокофьев, товарищ моего сына. Парню всего 27 лѣт, а без руки. Машина размозжила руку и ее отрѣзали по локоть. Долго что то бился парень, а все же получил страховку — 800 рублей и два года проѣдал эти деньги. Осталось у него рублей четыреста и тут ему повезло: пристроился ночным сторожем при товарном складѣ, потому что было чѣм 300 рублей залога внести. Получает 20 рублей в мѣсяц, а раньше всѣ 60 вырабатывал. Сердится: „не жизнь, говорит, а собачье времяпровожденіе: как собака, собачье добро сторожу". Это он хозяев собаками называет.

Когда у нас начиналась большая стачка, Прокофьев и мой сын Сергѣй приходили к нам на завод — предлагали бастовать и требовать разных улучшеній. Я был не прочь от бастовки: дѣти работали; сам друг с женой проживал, но признаться не больно и хотѣл ее. Другіе рабочіе, что постарше, так тѣ и совсѣм не хотѣли бастовать. Как всегда, говорили: „жена... дѣти... ничего не добьешься да еще и вышлют". Вот Сергѣй и Прокофьев, тогда еще здоровый, и тол ковали: „не очень сегодняшним дорожи, о завтрашнем тоже надо ду мать. Как состаритесь, так прогонят вас с фабрик, как старых собак со двора. Тогда попомните о том, что, пока на работѣ были, не с'умѣли себѣ пенсій отстоять". Ну наши согласились; стачку дружно повели; потребовали, между всѣм прочим, чтобы старикам были от завода пенсіи. Кое что мы добились стачкой, но пенсій не удалось отстоять. Потом я спрашивал у соціалистов, как в других странах, гдѣ парламенты имѣются, этипенсіи даются. Они об'яснили, что правительство дает старикам с 65, 70 или 75 лѣт (в разных странах — разный возраст) по 60 — 180 рублей в год пенсіи. Я думаю пустое это дѣло для нас. Гдѣ, гдѣ, а уж у нас то почитай никто из рабочих до 65 лѣт не доживает. Взять хоть меня: что мнѣ в пенсіи, которую только через 19 или 24 года получать можно. Хозяева да инженеры, ну тѣ по многу живут, да им пенсіи не нужны.

Как посмотришь со стороны да подумаешь, так и всѣ то наши, даже самыя важныя требованія, не то чтоб очень дорого стоили. Оно, конечно, лучше 8 часов работать, чѣм 10. Что и говорить. А все же 8, 10 часов работать будем, ничего не наработаем, будем жить бѣдно, ребятишек, как слѣдует, обучить не сможем, не обезпечим себя

на старость и частенько, при всякой заминкѣ в заказах, многіе из нас без работы будут. Ну, а тѣм, кто без работы ходит, не все ли рав но, сколько на заводѣ работают. А сколько рабочих и молодых и старых без работы маются и голодают. Надо, чтобы и им не пришлось голодать. А то чего хорошаго? Иду я третьяго дня по улицѣ, а на встрѣчу Дарья — жена Семена, котораго за дерзости разсчитали и никуда не принимают на заводы, под руку с каким-то фертиком идет. Отвернулся я, смотрю в сторону. Знаю — с голоду это она: голодным дѣтишкам хлѣб достает... А Семен, как видно, по своему мастерству никогда работы не найдет, даром что работник на диво. Заявил он на мастера истинную правду, что тот неправильно разцѣнку дѣлает: для одних, кто его ублажает, выше, а для тѣх, кто особняком держится — ниже. Выждал мастер самое что ни на есть тихое время, когда нигдѣ заказов не бывает и разсчитал Семена: „подика, говорит, пострѣляй теперь". А Семена в черный лист записал, гдѣ написано, кого не принимать на заводы и по всѣм заводам этот лист разослали.

Сергѣй с товарищами часто толковали, что надо без хозяев устроиться. Сергѣй со мною жил и много я этих разговоров наслышался. Оно, конечно, трудно не согласиться, что дѣло и без хозяев идти может. Вот, к примѣру, когда я поступил на завод, гдѣ 16 лѣт проработал, то поспрошал о хозяинѣ. Говорят никто его не видѣл: всегда в Парижѣ, да по другим заграничным мѣстам живет. Лѣт 10 назад он помер (еще мастера собирали тогда по 40 копѣек с рабочих на вѣнок покойнику). Завод перешел двум его сыновьям и ни одного из них никто из нас в глаза не видѣл: они не показываются ни на завод, ни в контору. Проживают деньги в Питерѣ и по заграницам. Нѣт ничего хитраго в том, чтобы эти деньги между нами рабочими дѣлились, а хозяева хоть провались совсѣм: завод по старому будет работать. По нашему дѣлу мастеров хоть бы и совсѣм не было: они попросту хозяйскіе интересы оберегают, за штрафами гоняются, управляющему наушничают, рѣдко, рѣдко кому какой пустяк покажут, даже расцѣнку часто зря дѣлают. А что до настоящаго дѣла, то среди нас — рабочих — сколько угодно народа, который самих мастеров многому научить может; наши рабочіе все, что надо, могут об'яснить и сдѣлать, а не то, что только ругаться, да орать без толку. Правда, в нашем дѣлѣ без инженеров и техников иной раз и не обойдешься, так вѣдь они не хозяева: могли бы и рабочей

артели служить, как теперь хозяевам служат — не все ли равно, от кого жалованье получать.

Примѣрно так разсуждал Сергѣй и его товарищи. Не совсѣм только нравилось мнѣ, что они думали платить инженерам большое жалованье. По моему — не за что. Вѣдь они не больше нас работают, да и дѣться им будет некуда, если всѣ заводы к рабочим перейдут. Им надо столько же заработка давать, что и рабочим. Правда, они больше нашего учились, так вѣдь мы в это время работали, а работать то труднѣе, чѣм учиться, особенно в молодости. И то надо помнить, что когда они учились (а учатся они лѣт по 12—14), всѣ мы же рабочіе на них работали.

Сергѣй и его товарищи часто разсуждали о том, как добиться, чтобы хозяев не было. Здѣсь я с Сергѣем не соглашался. Как он, так и его товарищи, все время твердили, что надо добиться всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, выбрать таких депутатов, которым были бы подчинены министры и чиновники и вот эти то, мол, депутаты устроят так, чтобы хозяев не было, чтобы одни рабочіе остались. Не вѣрил я, что депутаты нас облагодѣтельствуют. Думалось мнѣ, что самим рабочим надо все взять. И сам я так думал, а попозднѣе пришлось встрѣтиться с людьми, которые и повѣрнѣе и посерьезнѣе все это дѣло обсудили.

Помню зашел ко мнѣ пожилой уже рабочій: письмо от земляка привез. Ну, конечно, разговорились. Бывалый человѣк этот рабочій: много видѣл и слышал на своем вѣку. Три года за границей прожил. Серьезный, вдумчивый человѣк был. „Напрасно вы на депутатов надѣетесь, говорил он Сергѣю, я был во Франціи: там давно уже всеобщее, равное, тайное избирательное право, а рабочему народу все равно плохо живется. Работают десять часов в сутки, да только работа куда тяжелѣе нашей. Стоят за плечами мастера, зорче чѣм наши смотрят и чуть помедленнѣе работаешь или там папироску закурил — разсчет. Безработным и там ѣсть нечего, а таких безработных сколько угодно во Франціи. И там угощают рабочих свинцом и желѣзом. Ни одного дѣйствительно полезнаго закона парламент рабочим не дал, даром что там болѣе 70 соціалистов сидят, даром что там министры из соціалистов бывают. А во Франціи рабочіе своею кровью добились всеобщаго избирательнаго права и давно уже прогнали царя. Смѣшно на депутатов надѣяться. Сами сговаривайтесь, запасайтесь оружіем, убѣждайте солдат и матросов перейти на вашу

сторону и вмѣстѣ с крестьянами поднимайте возстаніе не для того, чтобы получить конституцію да депутатов выбрать, а для того, чтобы захватить фабрики, заводы и волю. Крестьяне хотят получить землю. Они тоже с вами пойдут".

Мнѣ по сердцу были эти слова. Я просил его разсказать, как надо устроиться и он сводил меня к двум крестьянам; они разсказали мнѣ, как устраивается крестьянство, но взяли обѣщаніе никому не говорить о нашем разговорѣ. Удивился я их просьбѣ, но обѣщал молчать, пока другіе о том же не заговорят. Потом эти крестьяне и рабочій куда-то уѣхали.

Сергѣя взяли не так давно — у нас уж 3-ья Дума разговоры разговаривала, время проводила и Сергѣй часто вспоминал перед арестом о словах этого рабочаго. Сергѣй перестал уже на депутатов надѣяться. К нам захаживали иной раз депутаты первой и второй Думы. Один из них, что в первой Думѣ был, говорил, что думал. „Если бы не разогнали нас министры да придворные со своим царем -ставленником, говорил он, все равно не дали бы мы ни фабрик рабочим, ни земли крестьянам. Слишком сильны помѣщики, капиталисты и чиновники — правительство. Не дала бы ни фабрик, ни земли и вторая Дума. Соціалисты-революціонеры, соціал-демократы и трудовики вовсе не думали о том, чтобы рабочим фабрики передать. О кадетах и говорить нечего — эти кого угодно обморочат: про народ говорят, а стоят за дармоѣдов-эксплуататоров. Сколько вам угодно депутаты законов напишут. Только земли крестьянам без выкупа не дадут, а вам так даже с выкупом не дадут фабрик. Вы только прочтите программы самых что ни на есть соціалистических партій—в них хоть не прямо, а все-же написано, что не видать вам фабрик, как своих ушей. Не разберешь: ваши правнуки или праправнуки должны, по ихнему, фабрики получить, а уж никак не вы. Да только и правнуки ваши не получат фабрик, если сами не возьмут их. А взять их и вы сможете, если захотите да с'умѣете".

Слышал я и читал рѣчи депутатов-соціалистов. Ни один из них не заикнулся о том, что теперь-же, в настоящее время надо фабрики и заводы рабочим передать. „Погодите да подождите, а пока слушайте, как я турусы на колесах буду разводить". И точно разводили: наговорят с три короба и все у них хорошо выходит, а сообразишь, так и увидишь, что тоже самое депутаты будут и нашим правнукам говорить. А правнуки, как и мы, будут на хозяев работать,

да рѣчи соціалистов слушать. А не то эти наши правнуки выкуп за фабрики будут платить, значит на другой манер, а все же хозяйскую мошну набивать будут.

Никогда не вѣрил я депутатам: ни тѣм, кто из богатых, ни тѣм, кто из нашего брата вышел да в компанію к богатым попал.

Не было правды у них, не говорили они всего, что надо рабочим, многаго не досказывали, и не видал я что-то таких из них (кромѣ одного единственнаго), которые хотѣли бы рабочим глаза открыть, за рабочее дѣло свою душу отдать. Не вѣрил я им, а Сергѣю и Прокофьеву говорил, что надо не о депутатах думать, а о том, как самим всего добиться. Сергѣй стал подаваться на мои слова, а все же ему долго мерещилось, что без начальства не проживешь. Сильна у нас привычка к начальству. Мнѣ еще дѣд сказывал, что в нашей деревнѣ, на его памяти, чуть ли не половина мужиков думала, что без помѣщика и его управляющаго жить нельзя — передеремся, мол. Одначе зажили и без них, не передрались.

В концѣ и Сергѣй и Прокофьев дошли таки до дѣла. Помню я один наш разговор. „Как же мы обойдемся в наших мастерских без выборнаго начальства, спрашивал Сергѣй: ну прогоним мы хозяйских ставленников, а вѣдь надо, чтобы кто нибудь распредѣлил работу; указал, что надо дѣлать, ежели кто не знает; надо, чтобы кто нибудь заказ принял и сдал его. Так неужто для всякой малости сход мастерской или всего завода собирать?"

„Ну хорошо, говорю. А еще для чего понадобилось тебѣ твое выборное начальство?"

Замялся мой Сергѣй. Не знает, что сказать, — даром, что семь лѣт на заводѣ работал и толковый парень был. „Этого, говорит, не сообразишь, а там на дѣлѣ видно будет".

„Ну вот видишь, Сергѣй, начальству то твоему, пожалуй, и совсѣм дѣлать нечего. А ежели нужен человѣк, чтобы указал, как надо работать, ежели кто не дошел до мастерства; или там нужно раздать работу или заказ принять, то мы и укажем, кому это препоручить надо — назначим, к примѣру, тебя или Прокофьева. Но только вы не станете через то нашими начальниками. Останетесь такими же рабочими, как тѣ, что у станков стоят или матеріал из склада носят. Как соберется сход мастерской или завода, каждый из вас и из нас перед сходом отвѣт держать будет. Никаких приказов такіе выборные приказывать не будут. Указал, что надо; принял заказ; раздал

работу — становись за станок. Ежели кто из рабочих не послушается указаній такого человѣка, так и этот рабочій отвѣт перед сходом держать будет, ежели зря заартачился, не захотѣл разумнаго указанія послушаться. Да только вряд ли так будет. Тут же товарищи скажут, чтобы не дурил, зря не задирался, а работал".

Задумался Сергѣй. „Тэ-эк, говорит, значит выборные у нас будут, а начальства не будет. Всѣ мы, значит, выборные будем, только по разным работам — кто у станка, кто матеріал носить, кто двор мести, кто в конторѣ заказ брать... Всѣм одна честь, что конторщику, что рабочему... Это, пожалуй, ладно будет... Пожалуй, мѣняться будем работами; очередь соблюдать... Главное, чтобы никому не было обидно, а для этого не надо кого нибудь выше себя ставить. Остальное — как и что, оно, конечно, дѣло покажет".

Слушаю я и усмѣхаюсь. Сергѣй то мой сам против выборнаго начальства заговорил. Разобрал, в чем суть дѣла и с той поры и слушать о начальствѣ не хотѣл.

О многом бы еще надо разсказать, да не придется, видно. Нездоровится и писать трудно. Простудился я; колотье в боку; лихорадка бьет, кашляю да и в глазах мутится. День ото дня все хуже мнѣ. Видно придется совсѣм слечь да и не встать. Ну что-ж! Всѣ помрем, а все же, мои старые товарищи, взялся я написать вам и пишу вот уже седьмой день — сразу то не выходит у меня. Пишу я для того, чтобы сказать, что никогда — ни в раннем дѣтствѣ в день Свѣтлаго Воскресенья, ни в день свадьбы, ни тогда, когда великая забастовка кончалась, как думали, удачно, — никогда не был я так счастлив, так спокоен, как теперь. И это потому, что я знаю — скоро счастливым, вольным и богатым будет русскій народ. Знаю, что скоро не будет на Руси ни холодных, ни голодных, что близок час освобожденія народнаго.

Об одном жалѣю: не успѣю послужить рабочему люду. Помру скоро. Не успѣю разсказать вам, товарищи, всего, о чем передумал. Ничего не подѣлаешь. Вам, товарищи-однолѣтки, завѣщаю наше дѣло, завѣщаю обдумать старым опытом, прошу вас толковать с молодежью, помѣшать разным краснобаям сбить рабочих с вѣрной дороги. Ох! рѣчисты они. Боюсь: заговорят многих. „Наука", „производительныя силы", „выборное начало", „свободы", а в концѣ концов все одно выходит: — фабрик не трошь. Надо серьезно самую суть нашего дѣла понять. Надо самому во всем разобраться.

И между нами появились уже молодцы, что словечка по просту не скажут. Русскія слова иностранными замѣняют; хвастают, что мудреныя книги читают. Оно, точно, надо иностранныя слова знать, которыя в русских книжках пишут, а то нѣкоторыя книжки как бы нарочито так написаны, чтобы их по меньше народа понимало. Полезно читать и мудрено написанныя книги. Все это так, да только стыдно этим хвастаться, стыдно говорить непонятными словами: вѣдь у нас добрая половина рабочих не грамотна. Не надо пыль в глаза людям пускать, форсить перед своими и меньше всего надо думать о том, как бы в депутаты попасть.

Прокофьев часто захаживал ко мнѣ, а теперь совсѣм зачастил и вот почему. Мѣсяца два с половиною тому назад прихожу я домой к обѣду, а у меня Прокофьев сидит, ждет меня. „Ѣшь, говорит, скорѣе, Петр Сергѣевич, и пойдем; надо поговорить с тобою" (У меня то не разговоришься — кругом народ). Пообѣдал я, недолго задержал его и пошли на квартиру к одному товарищу — Ивану Михайловичу — неподалеку он жил. Пытался я узнать по дорогѣ, что за дѣло такое, но Прокофьев только ухмыляется да говорит: „твоя правда, Петр Сергѣевич, вышла". Заинтересовался я. Пришли к товарищу, там еще двое рабочих с нашего завода сидят — люди пожилые, строгіе. Поздоровались, сѣли. Прокофьев опять за свое: „выходит, что ты, Петр Сергѣевич, правду говорил, что надо самим рабочим за дѣло браться, а не депутатов выбирать". Всѣ смотрят на меня, а я и сказать, что не знаю. „Вот, говорит, получили мы вѣсточку от товарищей: прислушай и ты". „Да в чем же дѣло?" — спрашиваю. „А в том, говорит Прокофьев, что есть на Руси народ посерьезнѣе нас: — крестьяне и рабочіе додумались, что надо дѣлать. Они уж не разговоры разговаривают, не за депутатов стараются, а оружіе достают, устраивают Великій Сговор Всероссійскаго Народнаго Братства и скоро, Петр Сергѣевич, покажут они вражьим кровососам, чего народ стоит". Захолонуло у меня в сердцѣ: вѣдь я с крестьянскими братьями встрѣчался, да только под большим секретом наши разговоры велись. А тут, смотри-ка, вынимает Прокофьев книжку и показывает: „вот, Петр Сергѣевич, мы ничего не знали о братствѣ, а есть оно и нас к себѣ зовет". Посмотрѣл я на него и на других товарищей — вижу просвѣтленные такіе, важные, и сорвалось у меня: „знаю, что есть великое народное братство; приходилось мнѣ со старыми братьями бесѣдовать". Вскочил Прокофь-

ев на ноги, да и другіе встали. „Как? ты старых братьев знал. Что же нам не сказывал?" „Запрет был разсказывать, отвѣчаю, а теперь, значит, сняли братья запрет; видно близок час их". — „Да, тихо проговорил Иван Михайлович, — видно близок; к себѣ зовут, книжки пишут, написано у них и про старых братьев".

До поздняго вечера мы говорили и читали. Рѣшили через недѣлю опять собраться.

Были у нас братскія книжки: „Не будет на Руси ни холодных, ни голодных", „Солдатская служба", „Вольная деревня", „Фабрики — народу", „Вольный город" и другія.

Разсказано в этих книжках, что тяжело народу живется и об'яснено почему люди плохо живут. Написано все это просто, без лишних и иностранных слов: говорится, что все сами мы для себя должны сдѣлать, а то до сих пор хоть и приходилось слышать от соціалистов, что освобожденіе рабочих должно быть дѣлом самих рабочих, а как начнешь допытываться, так выходит, что это слова одни, а на дѣлѣ какіе-то там депутаты нами вертѣть будут. Не о выборах в этих книжках рѣчь идет, а о том, что надо добывать оружіе, как надо прятать его, чтобы не попалось и не испортилось. Братья совѣтуют зарывать ружья в землю, смазав их, чтобы не ржавѣли, говяжьим салом и обернув в просмоленный холст. Ружьями и патронами хотят засыпать братья Русь-матушку, а потом и жатву сберем. Учат они как готовиться к возстанію.

А лучше всего, что всякій, кто согласен с братьями, завтра же братом может сдѣлаться — не нужно для этого ни комитетов каких-то искать, ни братьев. Так и будут расти отдѣлы братства не по годам, а по часам. И в свое время об'явится братство.

Хотѣлось мнѣ своими словами разсказать, что написано в книжках, да боюсь не поспѣю окончить, а потому просто выпишу правила рабочих братьев. Эти правила просто написаны.

1) Всѣ фабрики, заводы, мастерскія, рудники, желѣзныя дороги, пароходы, всѣ промышленныя и торговыя заведенія, со всѣм, что находится в них и при них, мы возьмем в общее народное достояніе в дни священнаго мѣсяца, в дни народнаго возстанія. Сами без хозяев поведем производство вольными об'единенными между собою артелями.

2) Для снабженія промышленных заведеній, торговых складов и лавок — первых машинами, инструментами, матеріалами, вторых

— товарами — изберем из своей среды людей, которые, по нашим указаніям, и устроят все необходимое для того, чтобы дѣло производства и распредѣленія продуктов шло безостановочно.

3) Под мастерскія для ремесленников, нынѣ работающих на квартирах, отведем большія квартиры и помѣщенія, гдѣ и будут работать желающіе.

4) Городскія квартиры подѣлятся равномѣрно между всѣми жителями городов.

5) Взяв склады необходимых для жизни продуктов, равномѣрно распредѣлим все необходимое для существованія между всѣми жителями.

6) Промышленныя и торговыя зданія, машины, инструменты, матеріалы будут общим достояніем и пользоваться ими будут вольные рабочіе вольных мастерских.

7) Кто будет против народа в дни священнаго мѣсяца, того не примем в вольныя мастерскія.

8) Призывным, рекрутам и солдатам об'являем, что если в дни священнаго мѣсяца вы не перейдете с оружіем в руках на сторону народа; если будете стоять за помѣщиков, за купцов, за фабрикантов, за чиновников и за офицеров; если станете душегубствовать, то гдѣ бы вы ни сдѣлали это—мы будем знать. И нигдѣ, ни на родинѣ, ни в других мѣстах не примем таких измѣнников народу в вольныя мастерскія; не получат такіе измѣники ни аршина земли. Когда умрут и тогда не дадим зарыть таких измѣнников в землю и будут они для народа русскаго хуже послѣдних злодѣев.

9)В дни священнаго мѣсяца обезоружим и свергнем с крестьянскими и солдатскими братьями всякое начальство; возьмем уѣздные и губернскіе города; возьмем Москву и Петербург и до окончательной побѣды не положим оружія. Возстаніе начнем всеобщей забастовкой. Унесем из мастерских необходимыя части машин для того, чтобы не заняли наши мѣста губители стачек. До возстанія узнаем, гдѣ и как взять оружіе.

10) Гдѣ возстанут в дни священнаго мѣсяца братья, там все захваченное богачами и чиновниками, все отнятое ими у народа будет возвращено народу. Вся земля, всѣ промышленныя и торговыя заведенія народу; богатство — народу; вся воля — народу!

1) Братом дѣлается каждый, кто а) обѣщает, что со дня побѣды братьев не будет на Руси ни холодных, ни голодных: в селеніях

безпомощным и слабым отведутся надѣлы и міром будут обрабатываться; в городах им дастся все нужное для жизни; трудоспособные получат землю и средства производства. б) Кто принимает правила братства, в) кто обязуется принять участіе в движеніи священнаго мѣсяца и г) кто обязуется присоединить к братству четырех новых братьев.

2) Никаких комитетов, принимающих братьев, в братствѣ нѣт. Кто согласился на указанныя четыре условія — тот и брат.

3) Братство состоит из отдѣлов: 1) крестьянскаго, 2) рабочаго, 3) солдатскаго и 4) из вспомогательных отдѣлов.

4) Каждый брат знает правила всѣх отдѣлов и твердо знает правила того отдѣла, к которому принадлежит.

5) Брат не имѣет права записывать ни имени, ни фамиліи, ни адреса брата, не имѣет права писать хоть бы одно слово о дѣлах братства и братьев в своих письмах. Всѣ передачи ведутся среди братьев устно. Всѣ свѣдѣнія, кромѣ напечатанных, передаются по памяти.

6) Свое дѣло брат считает святым дѣлом. Не говорит о нем попу на исповѣди, так как его дѣло не грѣх, а святой подвиг любви и правды. По закону же попы обязаны доносить чиновникам все то, что им говорят на исповѣди об освобожденіи народа; попы часто торгуют тайной исповѣди.

7) Каждый брат научается владѣть винтовкой, простым ружьем и револьвером. Братья из запасных и знающіе братья обучают незнающих, как владѣть оружіем.

8) Арестованный брат никогда не признается, что он принадлежит к Всероссійскому Народному Братству.

9) Брат брату всегда брат и помощник.

10) Братья могут, если желают, принадлежать к разным партіям и группам, лишь бы это не мѣшало работѣ в братствѣ. В братствѣ и на его работѣ нѣт споров, особенно партійных. Братство, как таковое, преслѣдует только указанныя в его правилах цѣли.

11) Всѣ братья посылают своих уполномоченных или сами с'ѣзжаются на с'ѣзды.

12) Имена и адреса братьев ни в Россіи, ни за границей не записываются. Имена, отчества, фамиліи и мѣстожительства братьев, погибших за святое дѣло братства, записываются в книги Братства,

хранящіяся в двух городах Европы и в одном городѣ Америки, для опубликованія этих имен до и послѣ побѣды братьев.

1) Братья-рабочіе составляют в городах боевые отряды. До дней священнаго мѣсяца взвод боевого отряда состоит из 5 человѣк и братья-рабочіе организуются по взводам. В дни священнаго мѣсяца взвод состоит из 10 человѣк. Рота в дни возстанія состоит из 10 взводов. Боевой отряд из 10 рот.

2) Братья-рабочіе изучают тот квартал, гдѣ живут. Узнают, гдѣ можно взять оружіе (адреса частных лиц, имѣющих оружіе, посты городовых, квартиры полицейских, офицеров, адреса оружейных магазинов, складов, заводов, адреса стрѣлковых тиров и т. д.) Узнают, гдѣ можно взять (адреса складов, лавок и т. д.) желѣзныя лопаты, ломы, проволоку, топоры. Знают адреса всѣх дворов, гдѣ стоят автомобили. Узнают адреса химических заводов, складов химических продуктов, москательных лавок, аптекарских магазинов, аптек, всѣ склады и лавки, гдѣ можно достать нужныя для приготовленія порохов вещества. Рабочіе братья узнают в своем кварталѣ адреса квартир офицеров, генералов, полицейских чинов, воинских чиновников, — тѣх, кого надо арестовать в дни священнаго мѣсяца.

3) Братья-рабочіе знают мѣстонахожденіе казарм и арсеналов в своей округѣ, гдѣ хранит правительство пушки, пулеметы, патроны и пороха.

4) Братья-рабочіе знают квартал, в котором живут, вдоль и поперек. Знают адреса лѣсных и дровяных складов, писчебумажных фабрик и магазинов, фабрик и магазинов матрасов.

5) Братья-рабочіе изучают боевое дѣло. Если возможно, то на моделях и чертежах узнают, как надо заряжать пулеметы и пушки; узнают, как надо дѣлать порох, строить проволочныя и баррикадныя загражденія новых систем, как рыть заграждающія ямы. Изучают, как надо отрѣзать казармы от города, казармы от арсеналов и многое другое, что будет сообщено братьями-инструкторами.

6) Братья-рабочіе тщательно изучают, какія части машин надо унести с собой в день всеобщей забастовки священнаго мѣсяца, для того, чтобы сдѣлать невозможной работу губителей стачек, штрейкбрехеров.

7) Каждый брат обучает каждаго брата всему тому, что знает

и распространяет литературу братства. Тот, кто присоединил к братству четырех новых братьев — тот старый брат.

Собрались мы на слѣдующее воскресенье. „Что-ж, братья, говорит Иван (он нас сразу братьями называть стал). Вѣдь все это мы обдумали. Надо дѣло начинать, нас пять человѣк; всѣ мы друг дружку давно знаем, так составим и мы взвод братскаго воинства, а через год, два и не сочтем таких взводов. Вѣдь каждый из нас с'умѣет по четыре а то и больше братьев подыскать. „Подыщем, отвѣчаем, к нам всякіе и партійные и безпартійные рабочіе пристанут; между нами и то двое партійных". — „А как-же насчет наших союзов?" — говорит Прокофьев. — „Союзы — дѣло хорошее, отвѣчает Иван Михайлович, да только они для того, чтобы теперь нас хозяева не притѣсняли, а освободиться ими мы не сможем: с голыми руками на пушки не пойдешь. Союз — союзом, а братство — братством". — „Одно у нас, рабочих: партія — не партія, а народное братство, — говорю я. В добрый час начать. Друг дружку мы знаем, можно прямо на дѣло становиться. А то дадим братское обѣщаніе, чтобы обозначить начало дѣла. В родѣ того, как договор подпишем, что всерьез за дѣло беремся. Ладно-ли будет?" — „Всѣ согласны, — говорят, — пусть Прокофьев читает обѣщаніе, а мы повторять будем". Встали мы всѣ. Прокофьев читает, а мы повторяем.

„Мы, рабочіе, устали работать на тунеядцев, жить в нищетѣ, тогда как бездѣльники живут в роскоши. Мы больше не хотим нести тяготы, взваливаемыя на нас начальством и богачами. Мы хотим в корнѣ измѣнить современные порядки, так как они осуждают на униженія, лишенія и невѣдѣніе самый многочисленный и самый полезный класс общества и дают в руки богатых и властных людей средство быть господами и повѣлителями трудящагося люда.

Мы хотим быть свободными, мы хотим, чтобы на вольной землѣ люди были вольными, чтобы никому не жилось лучше или хуже, чѣм другому, чтобы всѣ сообща несли общія тяготы и радости.

Для того, чтобы добиться этого, мы возстанем с оружіем в руках за волю, за землю, за средства производства и средства существованія против всѣх угнетателей и эксплоататоров. Со дня нашей побѣды не будет среди нас ни начальников ни эксплоататоров.

И я, новый брат, возстану вмѣстѣ с братьями с оружіем в руках за освобожденіе и счастье трудящагося люда, за счастливую долю наших жен и дѣтей, за спокойную старость родителей и сдѣлаю

все, от меня зависящее, для подготовленія всенароднаго возстанія. Да покарают меня братья, если я измѣню дѣлу братства, измѣню народу русскому.

Да будет слово мое: да! да!"

Потолковали мы между собой. Раздѣлили работу, чтобы все дѣлать, как в правилах написано, и дѣлаем эту работу. Нашли знающаго военно-революціонное дѣло человѣка. Один из нас у него обучался, а теперь начал нас обучать.

Прошло уже 2½ мѣсяца; мы видаемся друг с другом. Только рѣдко в-пятером сходимся; все больше по-трое, а есть чѣм друг перед дружкой похвалиться: идет наше дѣло. Идет без лишняго шума; крѣпко, тайно держимся до великих дней священнаго мѣсяца. Кто мало-мальски не подходит — к примѣру, ненадежный товарищ по заводским дѣлам, хоть разрѣжь нас, — ничего не узнает. Вмѣстѣ в одной квартирѣ жить будет и не узнает, что с братьями живет.

Всѣ мы уже старые братья: у каждаго по четыре товарища есть. Пристал к нам и Семен, о котором я разсказывал, так этот за двоих работает. Он попал-таки на работу в небольшую мастерскую; а хозяин хоть и прижал его с заработком, а говорит „плевать мнѣ на черный лист, только у меня не мути".

Присоединенные нами к братству успѣли уж пріискать себѣ по четыре новых брата, а Семен чуть ли не 16 человѣк братьями сдѣлал. Я у него сразу же побывал и он сразу братом стал.

Как растет снѣжный ком, когда катится с горы, так будут расти и рабочіе взводы братскаго воинства.

Одного только жаль. Не доживу до дней священнаго мѣсяца. Не услышу набата, зовущаго народ на бой за счастье и волю. Горюю, что не придется мнѣ смерть принять в бою за родной народ, что раньше умру я. Не всякому счастье на роду написано.

Соберемся сегодня всѣ пятеро. Пришел Прокофьев, обѣщает меня на извозчикѣ довезти. Прочтет, что я написал. Если братья одобрят, то Прокофьев говорит, что с'умѣет устроить так, чтобы напечатали мое письмо. Только не увижу я его напечатанным. А чую — поднимается, скоро встанет Русь неисчислимая.

Прощайте, братья! Прощайте, рабочіе!

Петр Сергѣев.